

Александр Холин

РАСПЯТЫЙ ДЕРВИШ

Александр Холин
Распятый дервиш

«Автор»

2018

Холин А. В.

Распятый дервиш / А. В. Холин — «Автор», 2018

Вашему вниманию представляется сборник стихов Александра Холина. Книга вторая, дополненная.

© Холин А. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Из цикла «Во фраке и лаптях»	6
«Угрюмые цедят слова...»	6
«Видел я камни...»	7
«Прошу, не верь в опалу октября...»	8
«Старый город, задушенный смогом...»	9
«Дней моих не унять, ни стреножить...»	10
«По Арбату снуёт народ...»	11
«По острогрудым ветхим крышам...»	12
«Свинцовый ветер судеб...»	13
«Убаюканы тёплыми зимами...»	14
«Ты привык воровать и страдать...»	15
«Листья жёлтые по октябрю...»	16
«На этом весёлом свете...»	17
«Познавая сущность Иисусности...»	18
«Тень многолетия тянется пеплом...»	19
Метаморфозы или по следам Апулея	20
«Тень моя в тьме замороженных улиц...»	21
«Сбитый с толку, словно сбитень...»	22
«Снова привиделось снежное царство...»	23
«Ты подняла надломленную бровь...»	24
«Разбиты былые печали...»	25
«Ты снишься мне через года...»	26
«Расставлены жирные точки...»	27
На погосте	28
Баллада о депрессии	29
«Нарисуй любовь не болью...»	30
«Поэт живёт в невыдуманном мире...»	31
«Вцепляюсь продрогшей рукой...»	32
«Всё бывает...»	33
«Хаос или гармония?...»	34
«Я рисую на стенах дождь...»	35
Заклинание	36
«Что тебе пожелать, милая?...»	37
«Луны, по-осеннему бурой...»	38
Отступница	39
«Пойду гулять во фраке по дворам...»	40
«Первый снег, как древняя былина...»	41
Размышления в стиле блюз	42
«И странно мне было слышать...»	43
«Море падает с потолка...»	44
«Эхо изображения за...»	45
«Перестану бродить по дорогам...»	46
Баллада о смерти	47
Из цикла «Знамя на осине»	48
Размышления о человеческой злобе	48
«Перестану рассказывать сказки...»	49

«Когда меня не станет на земле...»	50
Моя жена Ксения	51
«Сиротеют люди без любви...»	52
«Не заставляй меня погаснуть...»	53
«Неконвертируемый полдень...»	54
«Что случилось снова с вольною Россией?..»	55
«Я пью из неба пустоту...»	56
«Сумерк за окошком...»	57
«Ну, всё!..»	58
Размышления в оккупации	59
«Нам не хватает лихолетья...»	60
«Ты что-то не договорила...»	61
«В мерцаньи снежинок потоплена вьюга...»	62
Per aspera ad astra	63
День Победы	64
Письмо от любимой	65
«Я стал огромным перекасти-полем...»	66
«Почему меня лишают жизни?..»	67
«Моя Россия, словно птица...»	68
«Опять брожу среди огней...»	69
«Снег, снег, снег тает на лицах...»	70
«По улицам белым, по улицам сонным...»	71
Третий Рим	72
«Мы живём, ожидая кончины...»	73
«Я ищу свой философский камень...»	74
Пегас	75
«Кленовый лист – моё спасенье...»	76
«Бард покинул наш бардак...»	77
«Мне страшно слышать мёртвые слова...»	78
«Забавна мысль, что время лечит боль...»	79
«Как горестно терять мечты, надежды...»	80
«Смотрю на рабство в оккупации...»	81
«Подол истории подняв...»	82
«Снова лето и снова снег...»	83
«Ты не звонила двадцать тысяч лет...»	84
«Я всем раздам по берегу...»	85
Из цикла «Огарок темноты»	86
24 января 1919 г.	86
«В жилах моих дикой ягоды сок...»	87
Славяне	88
«Пустые глаза одинокой женщины...»	89
«Солнечным светом омытый...»	90
«Обозначенный словами...»	91
«Распятые виденья...»	92
«За гранью грань пересекая...»	93
«Сгусток времени взвился спиралью...»	94
«Опять чего-то не достиг...»	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Александр Холин Распятый дервиш

Из цикла «Во фраке и лаптях»

«Угрюмые цедят слова...»

Угарные цедят слова,
угрюмые дарят улыбки.
И кругом идёт голова
от старой до новой ошибки.
О, как нескончаема нить
доверия и недоверья.
Кого же в потерях винить? –
я сам для кого-то потеря.
И странной тревогой в груди
живёт отражение мира,
и голос:
– Вставай и иди,
на то тебе песня и лира,
на то тебе ладан и лад,
слова, что в других отзовутся.
Но только не вздумай назад
на этом пути оглянуться...
У той неприметной черты,
где всякий безволием скован,
я душу пустил на бинты,
которыми ты забинтован.

«Видел я камни...»

Видел я камни.
Небесные камни,
огненной лавой соединённые.
И возвышались те камни стеною
нерукотворной и невозможною.
Слышал я Голос.
Божественный Голос.
Слёзы ловил, обронённые облаком,
золото звёзд собирал среди ночи,
гриву расчёсывал ветру ретивому.
Но растерял по дороге виденья,
но позабыл удивительный голос.
Только с тех пор не найти мне покоя
в космосе между
Землёю и Солнцем.

«Прошу, не верь в опалу октября...»

Прошу, не верь в опалу октября.
Он просто опалён,
но не опален.
И вскинулась зелёная заря,
не замечая ржавчин и окалин.
Не замечая листьев круговерть,
лесных теней обманчивые пляски.
И всё это окрашивает смерть
в неудержимо жизненные краски.
И не было опалы октября,
лишь листья опалённые
опали,
целуясь на ветру
и говоря
прохожему про все свои печали.

«Старый город, задушенный смогом...»

Старый город, задушенный смогом,
искривленный в улыбках блудниц.
Что сказать мне о том, о немногом?..
Нет, о многом:
о щебете птиц
по Сокольникам вечером синим,
о значках из-под карандаша
и как бьется то нежно, то сильно
под осиновым ветром душа.
Старый город, задушенный смогом,
вместе с ним погибаю и я.
Что с того, что мы ходим под Богом,
ничего от него не тая?
Старый город, задушенный смогом,
я его от судьбы не сберег.
Был он мне колыбелью, острогом,
станет он эпилогом дорог.

«Дней моих не унять, ни стреножить...»

Дней моих не унять, не стреножить,
как понесших по небу коней.
Ночь глухую уже не встревожить
перекрестьями шалых огней.
Все длиннее короткие годы,
все надсадней заходится грудь,
только что мне все эти невзгоды,
если слышу твое «Не Забудь»...
Не забудь эту самую малость,
эту первую песню твою.
Нам осталась не только усталость,
нам осталось любить на краю.
Озверевшие кони по небу
мчатся, не разбирая пути.
Наша жизнь – это былль или небыль?
Я ее не заметил.
Прости.

«По Арбату снуёт народ...»

По Арбату снуёт народ
кто поёт или пьёт со скуки.
Говорят, что Господь живёт
в каждом слове и каждом звуке,
говорят, за строкой строка
от любви, от стеснения в сердце.
Над Москвою ни ветерка,
и шаги безразличной смерти
по пустым суетливым дням
и по лицам припорошённым
смачным запахом сточных ям,
и общением упрощённым.
Скушно даже:
дерзай! борись!
Что за слово, помилуй, Боже!
Вот поди-ка и разберись
в этой жизни на жизнь похожей.
Ни мечты, ни Любви, ни слов –
ничего уже не осталось.
Ни дарованных небом снов –
только скука и только старость.
Но когда ты убог и наг,
то иное приходит зренье:
каждый сам себе друг и враг,
и Божественный дар творенья.

«По острогрудым ветхим крышам...»

По острогрудым ветхим крышам
плывут Москвы печальной запахи.
Не дай вам Бог остаться лишним
на многолюдном вечном празднике.
И не понять, и не услышать
стихи, оброненные мальчиком.
И только запахи по крышам,
да кот, свернувшийся калачиком.
И вековечный зов:
Любимый!
И крик безмолвия:
Любимая!
Проходит день невозвратимый,
проходит жизнь невозвратимая.
По лужам пляшет лунный зайчик,
реальность, связывая с небылью.
Но слышу снова: был ли мальчик?
быть может, мальчика и не было?

«Свинцовый ветер судеб...»

Памяти Юрия Петухова

Свинцовый ветер судеб,
судебный ветер снов,
где нас с тобой погубит
кандалный звон оков,
скандалный звон пощёчин
и разудалый смех.
Репьями у обочин
мы на виду у всех.
Не тех побед искали,
не ту имели жизнь,
монетками упали
под звоны дешевизн.
Снежинками растаяв,
познали стыд и страх.
Свинцовый ветер стаи
разгонит в небесах.
У Лукоморья срубят
зелёный дуб.
И влёт
свинцовый ветер судеб
нам песенки поёт.

«Убаюканы тёплыми зимами...»

Убаюканы тёплыми зимами,
успокоены вспышками цен,
стали мы – не скажу образинами –
но достойны шекспировских сцен.
Стих мой,
страх мой,
чумное пророчество,
если можешь, то просто спаси,
от святого для всех одиночества,
от блужданья по Новой Руси.
Хоть она для меня и не новая,
я сорву по дороге шалфей,
и расплещется одурь бредовая
в танце лёгких заоблачных фей.
Русь забитая,
сонная,
грешная!
Ты мой взлёт и моё естество!
Только знать бы, как одурь кромешную
бабье лето закружит с листвою.
Только б слышать, как чахлая звонница
по столице разносит набат.
Это та вековая бессонница,
где не нужен не рай и не ад,
где нужна только девичья талия,
да касание тонкой руки...
Вот тогда закреплюсь крепче стали я,
впрочем, так, как и все мужики.

«Ты привык воровать и страдать...»

Ты привык воровать и страдать,
а когда истончается нить,
ты готов хоть чего-то отнять,
но, желательно, не разделить.
Голый сумерк неоновых дней
над землёй полыхнул и погас.
Тенью царства и в царстве теней
ты возник, словно огненный глас,
словно слово Творца в пустоте.
Но ни с кем не сравнимый вовек,
если ты не подобен мечте,
то зачем ты живёшь, человек?

«Листья жёлтые по октябрю...»

Листья жёлтые по октябрю
уплывают в отжившее лето,
умоляя больную зарю
вспомнить блеск золотого рассвета.
Где-то ветер мяучит в кустах,
где-то дождик брюзжит под окошком.
Снова жизнь превращается в прах
и стареет земля понемножку.
Кто познал поцелуи небес,
не вернётся обратно в пустыню.
Вот он, твой заколдованный лес!
Только нет в нём пахучей полыни,
только нет в нём шелкОвой травы –
все тропинки листвою заносит.
Под унылые крики совы
бесконечная тянется осень,
осень жизни и осень души,
как рисунок на белой эмали.
Ты когда-нибудь мне напиши
те слова, что ещё не слышали
обладатели пышных одежд
на твоём незапятнанном ложе.
Я шагаю по лесу промеж
мёртвых клёнов – усталый прохожий,
не похожий на стража небес
и на сказочного исполина.
Где он, твой зачарованный лес
с Купиною Неопалимой?

«На этом весёлом свете...»

На этом весёлом свете
мне не нужны слова.
И я на дорожной ленте
заметен уже едва
среди миллионов нищих
и мудрых, как жизнь, бродяг.
Здесь каждый чего-то ищет
и каждый чему-то рад.
Врага, обрета и друга,
наперсника и лжеца
увидю, что ночь да вьюга
пила с моего лица.
На мудрость не хватит силы,
для глупости нет ума.
И даже сырой могилы
меня не приемлет тьма.
Хромает по лужам ветер,
жуя нитяной мотив.
На этом весёлом свете
я только любовью жив.

«Познавая сущность Иисусности...»

Сестре Галине

Познавая сущность Иисусности,
руки на груди сложив крестом,
быть хочу искусным в безыскусности,
но не указующим перстом.
Оставляя в прошлом страсть и страстности,
тайну покаяния познать
я хочу. Хочу причастности
к Истине Пресветлой.
Исполать!
Познавая сущность Иисусности,
руки на груди сложив крестом,
я познаю сущность Иисусности
в самом сокровенном и святом.

«Тень многолетия тянется пеплом...»

Тень многолетия тянется пеплом,
словно полёт паутины в лесу.
В чашу столетий песней неспетой
я дерзновенья свои принесу.
Жил неумело, верил безбожно
в смысл вековых человеческих драк.
Всё в этом мире и просто и сложно,
только всегда и повсюду «не так».
С «таким» никак нам с тобой не ужиться,
в «таком» отсутствует смысл бытия!
Свора собак загоняет волчицу –
истина стада у своры своя.
Как бы ни жил, и чего бы ни делал
с вихрем стихов и потере потерь, –
был не всегда я пушистым и белым,
может быть, просто израненный зверь:
белый на красном и красный на белом,
не попадая в удачу полосу.
Тень многолетия тянется пеплом,
словно полёт паутины в лесу.

Метаморфозы или по следам Апулея

Вор на воре от Кремля до попа
и не осталось ни чуточки веры,
если вся жизнь так смешна и глупа,
в общем, бессмысленна, словно химера.
Первое слово и первая мысль...
Разве младенец способен на подлость?!
Бешено кони опять пронеслись,
из-под пространства мне слышится голос.
Колос пшеницы уже не растёт,
и на картофеле – жук колорадский.
Только размеренно вьюга метёт.
Люди воруют и лгут без оглядки.
Сладкий сироп превращается в соль,
соль же – в безвкусную белую супесь,
а бесконечность – дыра или ноль,
или пескарь, захлебнувшийся в супе.
Наша российская доля в судьбе
вмиг превращается в детские бредни:
кошка гуляет сама по себе,
вор на воре в преисподнюю едет.

«Тень моя в тьме замороженных улиц...»

Тень моя в тьме замороженных улиц.
Русь моя, падает снег на ладонь.
Как же с тобою в зиме разминулись,
город мой древний, стреноженный конь?
Думал я вскачь над обрывом промчатся,
словно Высоцкий, собрат по перу.
Только мне выпало тенью скитаться
с воем собачьим на снежном ветру,
только мне заживо камень надгробный
был уготован, судьбе вопреки!
Звук прокатился по улице дробный,
лошади скачут наперегонки.
Всё же Москва пронеслась над обрывом –
я в этом хаосе не разберусь.
Чудится песня с цыганским надрывом,
значит, жива ещё матушка Русь!

«Сбитый с толку, словно сбитень...»

Сбитый с толку, словно сбитень,
похороненный на треть,
узелок на тонкой нити,
для души болезной клеть –
это всё, в чём суть поэта,
всё, в чём теплится огонь!
Бабы все твердят «про это»,
он же пляшет под гармонь.
Жив поэт, покуда ноет
христианская душа,
и тоска не беспокоит,
мир без усталости круша.
Здесь, под граем сонных галок,
извиняюсь, воронья,
он велик (когда не жалок).
Жизнь – петля да полынья!
Жизнь – потрёпанные листья
облётывших тополей,
и обглоданные лица
обескровленных аллей.
Лей на раны сбитый сбитень,
исповедуясь в народ.
Коль плясать хватает прыти,
так пляши за годом год.

«Снова привиделось снежное царство...»

Снова привиделось снежное царство,
белая тройка в пурге пронеслась.
Кто здесь живёт, иль проходит мытарства?
Чья здесь извечная белая власть?
К этому цвету весь мир равнодушен,
но за околицей белой пурги
сотни открытых на небе отдушин
в Космос, где тьма и не видно ни зги.
Темь проникает и киснет на белом.
Белого цвета нехватка в снегу!
Снег попытался замазаться мелом,
душу отмыть налету, набегу.
Слякоть грехов набегу не отмоешь,
чёрные тени усеяли мир.
Только ведь это на белом всего лишь,
мелкий почти неприметный пунктир!
Белый виток загрязнённого ада,
иль отраженье зеркальной зимы?
Мне зазеркалья и даром не надо
под покровительством облачной тьмы.
Мне бы очистить от слякоти душу,
но в обескровленных храмах Москвы
татю и книжнику будет не лучше
там, где нет веры, и черти правы.

«Ты подняла надломленную бровь...»

Ты подняла надломленную бровь
и рвётся из души надсадный выхрип.
Коварен Бог.
Коварство и любовь
тебе всегда предложены на выбор.
Коварна жизнь: осколки Бытия
уже ничем тревожным не поранят.
Как вечный выбор, истина тебя
в коварстве и обнимет, и обманет.
Что ж, веселись и смейся от души,
глуши тоску бессмысленною ложью.
Но всё же по неверью не спеши
разбить свою любовь на бездорожье.
Пока ты любишь, ты ещё живёшь.
Поверь поэту,
недоумку с детства.
Обломки правды, истину и ложь
я получил от Бога, как наследство.

«Разбиты были печали...»

Разбиты были печали,
разбавлены тёмные оды.
Мы долго с тобой изучали
обломки советской свободы.
Мы долго с тобой веселились
над пропастью пахотных пашен,
но, если уже получились,
то путь осуждения не страшен.
И наша история льётся
годами, а, может, веками,
где снова дурак посмеётся
над русской земли дураками
Эх, мать моя, чудо-Россия,
закон беззаконий и смуты.
Я твой и дурак, и Мессия
за непогодь каждой минуты.
И сколько бы ни было крови,
пожарищ и слёз негасимых,
но я научился Любви,
а это – вся наша Россия!

«Ты снишься мне через года...»

Моей жене Ксени

Ты снишься мне через года,
через века я вижу облик.
Он, разрушавший города,
как грозовой капризный облак,
вдруг на рассвете не пропал,
не растворился в волнах света.
Обвал...
сознания обвал.
И задрожала вся планета,
как будто нежный поцелуй
ты ей под утро подарила.
Царуй, любимая, царуй!
Ведь только за любовью сила.
Ведь только взгляд и только миг
способен этот мир исправить.
Ты – тот единственный родник,
в котором истина и правда.
В котором вижу небеса
и журавлиный крик прощальный,
и херувимов голоса,
и благовест дороги дальней.
Но сон исчез и ни следа –
не миража и не любимой.
Ты снилась мне через года,
а сон такой неповторимый...

«Расставлены жирные точки...»

Расставлены жирные точки
и кляксы раздавленных мух
ползут, словно буквы по строчкам
стихов мемуарных старух.
Мильон тополиных снежинок
июнь превращают в январь.
Я снова иду по Неглинной,
унылый московский звонарь.
Когда я романс сочиняю
на струнах вечерних ветров,
то сам для себя исполняю
основу звонарных основ.
И звуками бронзовых склянок
Москва наполняется вновь.
Я грифон и я же подранок,
но верю –
спасает любовь!
Июнь.
И пушинок аншлаги,
и всплеск голубого огня.
Я знаю, рассеянный ангел
когда-нибудь вспомнит меня.

На погосте

Слышишь, мама, я пришёл!
Я нашёл тебя, мамуля!
Жизнь мелькнула, словно пуля,
с продырявленной душой.
И ни завтра, ни вчера,
только взлёт и только вечность.
Неужели бесконечность
это времени игра?
Не пора ли мне на взлёт –
я весь мир перелопатил,
истончался, скажем кстати,
но достиг не тех высот.
Состоявшийся пижон,
нашумевший мастер слова,
но тебе промолвлю снова:
– Слышишь, мама, я пришёл!

Баллада о депрессии

В час пустых и простых заморочек
депрессуха сжигает меня.
И написанных несколько строчек,
будто мука сгоревшего дня,
будто я породил Франкенштейна
и нарушил единство планет.
И нигде от Амура до Рейна
не услышать о власти монет.
Нет. К чему эти гиблые вздохи,
восклицанья:
К вершинам! На взлёт!
В этой грязной базарной эпохе
всяк себя за гроши продаёт.
Идиот – если будешь освистан,
идиот – если будешь богат.
И указ о писателях издан:
записанцев записывать в зад!
Что ж скулить депрессивной эпохе
о последних непрожитых днях?!
Наши чахлые ахи и охи –
это истина блудного дна.
И по странам метель-завируха
просвистит, словно пуля в тиши.
Так играй же моя депрессуха
на расстроенных струнах души!

«Нарисуй любовь не болью...»

Нарисуй любовь не болью,
нарисуй любовь забвеньем.
Нет, не мучай раны солью
и чумным стихотвореньем.
Постарайся окунуться
в снег мечтаний, в дум дремоту.
Вот уснуть бы и проснуться
там, где мы не обормоты!
Где умеем людям верить
и дарить простую радость!
Каждый день для нас потеря,
невозвратная награда.
Нарисуй любовь улыбкой,
нарисуй любовью звёзды.
Мы живём легко и зыбко,
свет для этого и создан.
Но когда весь мир распался
и вокруг одно ненастье,
не забудь, тебе остался
миг оборванного счастья.

«Поэт живёт в невыдуманном мире...»

Поэт живёт в невыдуманном мире
добра и чести,
чести и добра!
Когда гуляют тени по квартире,
ещё не отгоревшего вчера.
Когда ещё не наступило завтра,
но всё уже судьбой предreshено.
И мысли новых
Гегеля и Сартра
пьянят народ, как старое вино.
И речи новых
рвущихся и рвущих
сливаются в полуголодный рык.
И нет уже ни спившихся, ни пьющих,
как нет уже ни храмов, ни вериг.
И лишь поэт в невыдуманном мире
добра и чести,
чести и добра,
последней музой брошенный в квартире,
где холодно с утра и до утра.

«Вцепляюсь продрогшей рукой...»

Вцепляюсь продрогшей рукой
в продрогшее за ночь пространство
и слышу:
вдали за рекой,
как будто бы звуки романса.
Как будто бы чью-то мольбу
уже превратили в потеху –
весёлой звездой во лбу
сверкает зелёное эхо.
Великой вселенской судьбы
поэту, поверьте, не надо.
Но как мы бываем слабы
в ночи посреди звездопада.
И, может быть, там за рекой
поэт,
обалдевший от пьянства,
вцепился продрогшей рукой
в продрогшее за ночь пространство.

«Всё бывает...»

Всё бывает.
Проходит не разом
то, что стало печатью души.
Ждём, когда Пугачёв или Разин,
или так... нарушитель тиши
растревожит чумное болото
и зажавшихся жаб изведёт.
Мы тайком ненавидим кого-то
и мечтаем, что кто-то придёт.
Как Россия привыкла к халяве?!
Пусть жида, только чтоб не война!
Но война полыхает во славе
Люцифера...
И чья же вина
в том, что русские к рабству привыкли?
Что готовы жидам отсосать?
Жизнь закручена как повилика,
ни к чему причитать и стонать?
Знать не надо уже ни России,
ни семьи, ни спасенья от мук.
Как жида, ждём явленья Мессии,
мол, придёт и покормит из рук.
Русский, русский!!!
Ау, просыпайся!
На безродного ты не похож.
И с родными без дела не лайся,
коли раб – пропадёшь ни за грош.
Ну а если способен на что-то –
в оккупации – это не жизнь.
Вылезай из помойной блевоты,
не для русских стриптиз дешевизн.

«Хаос или гармония?..»

Хаос или гармония?
Частное или множество?
Мир освещает молния –
тождество!
Ни торжеством молчания,
ни ожиданием жалости
не побороть отчаянной
зависти
к будущему грядущему,
если душа разрушена.
Где бы найти отдушину?
Душно мне.

«Я рисую на стенах дождь...»

Я рисую на стенах дождь,
мы с ним песни всю ночь поём,
даже пишем стихи вдвоём
и водой нас не разольёшь.
А жена говорит: – Сотри!
Не хочу, чтобы дома – дождь.
Ведь когда дожди до зари,
то уже и зари не ждёшь.
От обиды заплакал дождь
так, что бросило стены в дрожь.
Так, что бросило строки в ложь
о сиянье промокших рощ.
А жена говорит:
– Сотри...

Заклинание

Будь со мной, словно белое облако,
и, покой у меня украдя,
будь со мной над обрывами об руку.
Будь со мной в дуновенье дождя.
Будь со мною и тенью единственной,
будь со мною и явью земной,
будь со мною простой
и таинственной.
Будь со мной.
Будь со мной.
Будь со мной.
Нет в заклятых смысла и помощи.
И, когда ты идёшь стороной,
слышу ветер мне шепчет из полночи:
– Будь со мной,
будь со мной,
будь со мной.

«Что тебе пожелать, милая?..»

Что тебе пожелать, милая?
Пожелай ты себе – милого.
Пожелай ты себе – главного.
Только что же у нас главное?
А вопросы опять просятся.
За вопросы с тебя спросится.
В храме краденый дух ладана,
а за храмом торгова сладили.
Нынче я обряжён в беглого:
в красном снеге следа белого не видать.
Пропадай пропадом голова моя – с кем пропита?
Ай, подтягивай мне странную – не застольную – застаканную.
Что тебе пожелать, милая?
Не ходи, не люби мытаря.

«Луны, по-осеннему бурой...»

Луны, по-осеннему бурой,
молитвенный строгий мотив.
И море чешуйчатой шкурой,
мурлыча,
о ноги твои так тихо и трепетно трётся.
И чья-то душа из ковша
Медведицы
медленно льётся.
И слушает ночь, не дыша,
уставшая за день планета,
и помнит, как тысячу лет
назад
из ажурного лета
сюда ты явилась...

Отступница

Она за снежной белой стеной,
она за тихо гаснущей лампадой,
она за волчьим воем под луной
укрылась от меня.
Наверно, надо
мне было удержать её...
но как?
Тревожным жестом,
словом
или взглядом?
И чародейский круг, и соломонов знак исходят криком:
– Надо было!
Надо!
Не запекает кУмару¹ она,
не ищет тирличА² под новолуние.
Сказала лишь:
– Тебе я не жена
и не хочу, как прежде, быть колдуньей.
И жёлтым глазом – глазом горбуна,

украденным у осени в похмелье,
холодный полдень смотрит.
А она –
монахиня в своей постылой келье.

---

¹ Кумара – песня ведьм.

² Тирлич-трава – растёт на Лысой горе близ Киева. Собирают её колдуны и ведьмы в ночь на Ивана Купала.

«Пойду гулять во фраке по дворам...»

Пойду гулять во фраке по дворам
с улыбкой безнадежного изгоя,
лишая осень смысла и покоя,
совсем не «мудреня» по утрам.
Ах, где вы, где вы, бесшабашные мои,
дождём отполированные крыши?
Я среди вас пока ещё не лишний,
но здесь уже не свищут соловьи.
Но здесь уже нет шелеста листвы,
и паучок сгоревшею листвою
не пролетит в октябрь из непокая
изгоем, пострадавшим от молвы.

«Первый снег, как древняя былина...»

Первый снег, как древняя былина,
пыль веков с небесного шатра.
И лежалый запах нафталина
наполняет улицы с утра.
И, стесняясь древнего разгула,
словно замарашка-сирота,
во дворе тихонько промелькнула
тень окоченевшего листа.

Размышления в стиле блюз

Мне пишется нынче, да всё не о том:
хвостом задевает сквозняк по щеке,
листом уплывает октябрь по реке
и пусто, как в пустоши, в доме пустом.

А хочется, в общем-то, знать не о том,
что было когда-то, что будет потом.
А хочется помнить твой голос и взгляд,
и слушать, и слышать:
октябрь,
листопад...

Мне пишется нынче, да всё не про то:
остался в безвременьи цирк шапито,
а лес примерял золотое пальто,
да так и остался нигде и никто.

А хочется, в общем-то, знать не о том,
что было когда-то, что будет потом.
А хочется помнить твой голос и взгляд,
и слушать, и слышать:
октябрь,
листопад...

Мне пишется нынче, да как-то не так:
охотник по следу пускает собак,
а море, пропав в поднебесной черте,
сливается с небом в своей чистоте.

А хочется, в общем-то, знать не о том,
что было когда-то, что будет потом.
А хочется помнить твой голос и взгляд,
и слушать, и слышать:
октябрь,
листопад...

«И странно мне было слышать...»

И странно мне было слышать,
и страшно мне было слушать:
сквозь щели в железных крышах
струились в пространство души
бездомных,
безумных,
грешных,
юродивых и пропойц.
Под взглядами звёзд нездешних
оцепенел мегаполис
и вместе со мною слушал,
и слышал: уходят люди
туда, где им станет лучше
и где суеты не будет.
А здесь, в опустевшем доме,
провалится пол и крыша.
Но те, что ушли, всё помнят
и слушают нас,
и слышат.

«Море падает с потолка...»

Море падает с потолка
и рука вся в ажурной пене
разбивает на сто мгновений
тело моря. И губ слегка
вдруг коснулось его дыханье,
как прощанье и как признание:
– Знай, кончина моя легка.
Что же я ошалело жду,
будто море из мести в жгут
скрутит тело моё?..

«Эхо изображения за...»

Эхо изображения за
горизонтом добра и зла,
за горизонтом зеркала,
где фениксова зола
рожицы корчит и смотрит на
меня, как на эквивалент нуля.
По ту сторону зеркала зна –
ют: меня не примет земля;
по эту – небо не примет,
поскольку огня
не любят на небесах.
Страх заползает за шиворот:
снова бродить в темноте,
чтобы увидеть те
потусторонние отраженья,
эхо которых – я сам?

«Перестану бродить по дорогам...»

Перестану бродить по дорогам
и глядеть на ромашки в ресницах,
потому что потеряно много,
а потерянное не приснится
даже в стоге пахучего сена,
что закатной окрашено кровью.
Что же было?
Любовь и измена.
Что же будет?
Измена с любовью.
Вот и я изменяю дорогам,
но люблю их по-прежнему нежно.
Жизнь потеряна – это не много,
если в Боге Любовь неизбежна.

Баллада о смерти

Я пел её. Я пел о ней
во время взлётов и уныний,
безумный маленький Орфей
в огромной гибельной пустыне.
Мы все живём полушутя.
Как ни крути, но так бывает:
любая мать, родив дитя,
его же к смерти обрекает.
Ах, первородный этот грех –
любовь к ушедшему.
И ныне
пою её – богиню всех
в огромной гибельной пустыне.

Остынет мир в объятьях сна,
и вот она, легка, капризна,
идёт как счастье, как весна,
как возрождение к новой жизни.

Из цикла «Знамя на осине»

Размышления о человеческой злобе

Живёт ли злоба на Руси? –
пойди, спроси у населя.
И плач безумия:
«Спаси!
Спаси, Господь от преступленья!»
Чего кричать?
О чём просить?
И так всё ясно в царстве мёртвых.
Но ничего не изменить
в рисунках, ластиками стёртых.
Протёртой ягоды в стакан
насыпь и пей лесную силу.
Танцуй за золото Канкан
и в золотом гробу – в могилу.
Быть может, в этом наша суть:
жить, продаваясь от рожденья?
А всё ж неплохо бы взглянуть
на прошлый путь без сожаленья.
Но злоба, крики или ор
народ сражают, словно вирус.
И без разбору – приговор,
народ на этой злобе вырос.
Никто не мыслит о любви,
и милосердие не в моде.
И злоба, злоба на крови –
противовесом всей природе.
Отсюда жадность, подлость, страх
и возжелание насилия
дают фантазиям размах,
как бесовским стремленьям крылья.
У Богородицы спроси,
сложив молитвенно ладони:
«Живёт ли злоба на Руси?»
Но вряд ли это кто-то понял.

«Перестану рассказывать сказки...»

Перестану рассказывать сказки.
Да кому они нынче нужны?
Проходимцы снуют без опаски
по огромному рынку страны.
Сметены не уставы – устои.
И опять по голодной Руси
побредут богомольцы, изгой,
воскликая:
– Помилуй! Спаси!
Исчезая в пыли долгостроя
мой собрат – не услышанный бард –
скажет:
– Если чего-нибудь стоишь,
не забудь про бойцовский азарт.
Оборванцы в столицу – за правдой.
Ну а я – из Москвы, как дервиш,
отдышаться от смут и парадов,
поблевать на российскую тишь.
Драться?
Бить?
Это дело простое
и пустое – скажу наперед.
Если всё же чего-нибудь стою,
то меня не забудет народ.

«Когда меня не станет на земле...»

*Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше мукой!*

Марина Цветаева

Когда меня не станет на земле,
ты ощутишь, что стало меньше света,
что стало как-то холодно в тепле,
что медленней вращается планета,
и удлиняет бесполезный срок
унылого существования.
А по весне все так же будет сок
стекать с берез в ладони мироздания.
В плену у времени безвременно живой,
безвременно осатаневший в Боге,
так захочу услышать голос твой,
что задохнусь от страсти и тревоги.
Не надо горькой истины в вине –
ты успокоишься: что делать, все там будем.
Но тень мою, застывшую в окне,
не позволяй
бездумно
лапать
людям.
Когда меня не станет на земле,
ты ощутишь, что стало меньше света,
что медленней вращается планета,
когда меня не станет на земле.
Но я к тебе приду во сне, в бреду,
и ты поймёшь, что снова где-то рядом
тот, кто тебя ласкает нежным взглядом.
Но я к тебе приду во сне, в бреду.
Но я приду, как нежный ветерок,
что б исцелить измученное тело
дыханием и лёгким, и несмелым.
Но я приду, как лёгкий ветерок.
Когда меня не станет на земле,
я не хочу, что б ты об этом знала.
Ты от потерь и так уже устала.
Когда меня не станет на земле?

Моя жена Ксения

В смертном грехе рожденная,
смертным грехом – во мне:
талой водой вспоенная,
жрица воды – в огне.
В гнев безлунной полночи
не сторожи луны.
Шепчешь:
«Живый в помощи...»
сквозь неживые сны.
Мудрые!
Полоумные!
Что же не спится мне?
Вот оно – полнолуние –
родинкой на спине.

«Сиротеют люди без любви...»

Сиротеют люди без любви,
часто в одиночестве оставшись.
Этот мир, ещё не осознавши,
сиротеют люди без любви.
Сиротеют люди без тепла,
без пустых родительских советов,
без простых приятельских приветов,
сиротеют люди без тепла.
Сиротеет мир без дураков,
без кнута и пряника скудеет,
без родных и милых лиходеев,
Сиротеет мир без дураков.
Сиротеет наша с вами жизнь
от скандалов до всеобщей смуты.
Ей бы просто мира хоть минуту!
Сиротеет наша с вами жизнь.
Может, словоблудничаю зря,
но без нас сиротство сиротеет,
ни к чему фузеи и музеи!
Значит, словоблудничаю зря.
Сиротеют люди без любви...

«Не заставляй меня погаснуть...»

Не заставляй меня погаснуть
под хмурым сполохом дождя.
Ведь жизнь не может плыть напрасно,
дождём уныло теребя.
Скорбя по прошлому былому,
печаль в грядущее нести,
прилюдно плакать на изломе,
прося от прошлого спасти?
Прости, но я не понимаю
печаль ушедшего навек.
Не плачь, и вспомни солнце мая,
российский Божий человек!
Пускай звенит струной эпоха,
пускай Москва опять в запой,
но всё не так уж очень плохо,
и даже дождь несёт покой.

«Неконвертируемый полдень...»

Неконвертируемый полдень
и неподкупный серый взгляд.
Но не мешало бы наполнить
октябрь явлением снегопад.
И не мешало бы напомнить
тебе о смысле бытия.
Но тёмный полдень, словно полночь,
лишь кружат стаи воронья.
Вранья не терпят эти строки,
и потому твой серый взгляд
пронзает сумерк ненароком,
как яркий белый снегопад.
Несовместимость сна и света –
как звук железом в пустоту.
От боли корчится планета
и снег ловлю я налету.

«Что случилось снова с вольною Россией?..»

Что случилось снова с вольною Россией?
Ей сменил обнову вроде как Мессия.
Заиграли дудки в полдень раскалённый,
пляшут незабудки – все они гулёны.
Не откусишь злата, не поймёшь несчастья.
Русь не стала свята в денежном ненастье.
Всякий рвётся к власти – это стало модным!
Где же наше счастье? Что же наши годы?
Не хватает силы взлёту на изломе,
но живёт Россия в лютом буреломе!
Но пройдёт невестой в клевере и мяте!
Все мы будем вместе с нашей Русью святы.
Пьяные дворяне – в лоскуты, в дремоту.
Все мы россияне, все мы обормоты...

«Я пью из неба пустоту...»

Я пью из неба пустоту,
я пустотою сам исполнен,
как будто кто подвёл черту:
к чему ты волен и не волен.
Мир болен этой пустотой,
а я – всего частица мира.
Не злопыхатель, не святой,
а только чёрточка пунктира.
Из точки «А» до точки «Б»
лечу лесною паутинкой,
поднатюр в белиберде,
для пустоты я стал сурдинкой.
К чему вниманье привлекать?
У пустоты не будет звука.
Ничто – ни чем не приласкать,
там сразу встреча и разлука.
Момент рожденья – это смерть
и ничего уже не надо –
вот нашей жизни круговерть
в преддверьях рая или ада.
За грош скупили красоту
и растворили моря волны.
Я пью из неба пустоту,
я пустотою сам исполнен.

«Сумерк за окошком...»

Сумерк за окошком –
зеркало кровати.
Мы опять о прошлом?
Мы опять о счастье?
Сумеречной боли
обуздать не в силах,
выплываю кролем
прямо из могилы,
и бегу вприпрыжку
стометровку жизни.
Счастье было пришлым
и как есть капризным.
Вижу за окошком
простыню ненастья.
Что же ты о прошлом?
Что же ты о счастье?

«Ну, всё!..»

Ну, всё!
Ну, опять ты глядишь мне вослед
своим искромётным тоскующим взглядом?
Любимая, что ты?
Поверь мне, не надо
писать нашу повесть осколками лет.
Но нет, ни к чему проходные слова,
тебе не сказал я того, что нужнее,
того, что весомей, того, что нежнее
всех истин на свете.
Такие дела!
Ждала ты меня в перекрестии лет,
годов и веков собирая осколки.
Про нас расплзаются слухи и толки,
но наша любовь – это прошлого свет,
и это маяк сквозь грядущую ночь.
И порочь все сомненья!
Я стану попроще,
и в нашей зелёной спасительной роще
смогу сатанинскую боль превозмочь.
Оклеены скотчем текущие дни,
чтоб не утекали куда-то наружу.
Любимая!
Если я стану не нужен,
то в памяти нашу любовь не храни.

Размышления в оккупации

Что ты, гой, во мне курлычешь?
Иль зовёт монаший скит?
Иль приснился светлый Китеж?
Или кремлядь вновь шумит?
Погоди! Угомонися!
Сколько в рабстве Русь жила,
но прослеживает выси,
значит, высь не умерла...
Или Русь?
Ну, что вы, право?
Словоблудьям несть числа.
Это сладкая отравка, –
мнить, что Русь не умерла.
Где ж тогда братья-казаче,
Где её богатыри?
Никого.
Лишь ветер скачет,
да повсюду упыри.
Эй, былинная Россия,
любо в рабстве вековать?
Коли тьму не погасила,
так о чём же горевать?
Гой еси, моя Россия!
Или больше не еси?..
Весь дождём заморосила,
в речке дремлют караси.

«Нам не хватает лихолетья...»

Нам не хватает лихолетья,
войны от внешнего врага.
И мы давно уже не дети,
но в головах метёт пурга.
Кому-то нужен хлеб да сало
и зрелищ, зрелищ подавай.
Земля терпеть уже устала
уродский мир и скотский рай.
Играй гармошка!
Эх, Россия!
Пляши, безумная, пляши!
Забыла ты, как голосила,
молила: «Господи, спаси!»
Теперь за деньги – хоть на плаху!
Зачем нам Бог?
Зачем семья?
Пропьём последнюю рубаху
под смачный хохот воронья.
К чему Божественная сила?
К чему любовь и наша жизнь?
А честь давно уже в могиле
среди извечных дешевизн.
Забыта ягода морошка
и лунный луч под небеса –
ни для кого уж не дорожка,
народ не верит в чудеса.
Похмелье с нами не случится,
лишь только смрад небытия.
Но наша совесть – не блудница,
и от жидовского ворья
поможет нам страну избавить,
и мразь ответит за слова.
Не станет Кремль вовек картавить –
надежда всё-таки жива.

«Ты что-то не договорила...»

Ты что-то не договорила,
не рассказала мне о том,
что зачарованная сила
в могилу гонит, как кнутом.
Крестом на грудь легли дороги,
и на пороге нелюбви
ты всё же вспомнила о Боге
и стала храмом на крови.
И стала майской незабудкой
под неуживчивым дождём.
Россию снова бес попутал, –
весь мир безумством награждён.
Не обнажённая природа
стремится слово донести,
а я пытаюсь год от года
всё человечество спасти.
Прости...
ведь даже незабудку
я не забыл, но не сберёг.
Заплакал ветер.
Стало жутко.
Крест перекрестьями дорог
прилёг на грудь мою.
И что же?
Любовь с разлукой так близки
и так отчаянно похожи,
что рвут мне душу на куски.
Народ доверчивость сгубила,
для всех Россия – как тюрьма.
Ты что-то недоговорила
и я опять схожу с ума.

«В мерцаньи снежинок потоплена выюга...»

В мерцаньи снежинок потоплена выюга,
в мелькании дней утонула зима.
Мы долго искали по зимам друг друга,
где нас закружила подснежная тьма.
Ума не бывает ни много, ни мало,
по лезвию бритвы два шага вперёд.
Но всё же в снегу ты меня отыскала,
и я это понял, готовясь на взлёт.
И я это понял, готовясь к лишеньям,
и к счастью под небом как птица парить.
Мне выпало быть для кого-то мишенью,
веселье охоты кому-то дарить.
За скопом снежинок мерцание радуг,
за облаком грёз распустились цветы.
И нашей любви не потоплена радость,
и наша любовь – это я, это ты.

Per aspera ad astra

В человеческом засилье
нету тайны зачатя –
отморожены крылья,
разобрали распяты,
распродали душонки
в перекрестии судеб.
На мясную тушёнку
стали смахивать люди.
Соблюденье дистанций,
вольный выплеск эмоций.
Сатана-папарацци
всех на снимках зацокал.
Снова грезим распутьем –
мир для этого создан.
Но забыли, что путь наш
через тернии к звёздам!

День Победы

Жи́ды присвоили Победу.
Но почему же наш народ,
как будто пампушки к обеду,
им честь и славу воздаёт?!
Все льют слезу о холокосте,
не помня, видимо, о том,
что русских стало на погосте
как пыли, выбитой кайлом.
Кто нас сто лет уничтожает? –
убийство русского – почёт!
А на щеке снежинка тает,
и мы уже наперечёт.
Влечёт непознанная тайна –
как защитить страну от бед?
Война – ведь это не случайно,
она жива уж тыщу лет!
И снова пришлые шаманят:
закон, этапы и тюрьма,
не русский русского обманет
и разрушает терема.
И погибает Русь Святая,
и совесть снова не в чести.
Поверьте, мне не надо рая,
лишь только б Родину спасти...

Письмо от любимой

Ты не ревнуй меня напрасно,
я вижу всё в очах твоих.
Они в смятении ужасном,
и много грусти давней в них.
Ты мне не веришь? Бог с тобою!
Мне было в тыщу раз больней,
когда я белою стеною
была для памяти твоей.
Ты не ревнуй меня напрасно,
всё в этой жизни решено:
нельзя счастливым и несчастным
не заглянуть на дно в вино,
ища каких-то истин смелых
с улыбкой дерзкой палача.
Но я была стеною белой
и пустотой в твоих очах.
Ты не ревнуй меня напрасно,
я потеряла не тебя.
В круженье космоса прекрасном
я не могу не жить любя.
И не могу бродить в пустыне,
и не могу тебя искать
когда от запаха полыни
я во грехи могу упасть.
И жизнь покажется прекрасной,
как самый милый белый стих.
Ты не ревнуй меня напрасно,
я вижу всё в очах твоих.

«Я стал огромным перекасти-полем...»

Я стал огромным перекасти-полем.
Я стал послушен бурям и ветрам.
Мы в этой жизни ничего не стоим,
лишь крохи тела тлеют по кострам.
И волокут меня через погосты
по серой обескровленной земле,
и городов бетонные наросты
живьём сдирают кожу на стебле.
Лишь кто-то помянёт недобрым словом.
А если пожалеет – невпопад.
Бредут дороги в сумраке багровом,
судачат судьи весело и в лад.
И спрячет конвертируемый полдень
никем не конвертируемый страх.
Прелюдию для казни мне исполнит
разбуженный прелюдиями прах.
Но так же, словно девица, невинна
Земля живёт, танцуя и поя,
и розовой слюною гильотина
забрызгивает глобус Бытия.

«Почему меня лишают жизни?..»

Почему меня лишают жизни?
Разве я кого-то убивал?
Разве предавал свою Отчизну
И страной, как шлюхой, торговал?
У меня отняли честь и совесть,
и желанье что-то там любить.
А жидами порванную повесть
я уж не смогу восстановить.
Лить слезу, купаясь в безнадёге,
поклонясь кремлёвскому ворью?
Кончить век в надежде и тревоге,
что не пощадят твою семью?
Всё ж, решай: казак ты или быдло,
что гниёт под дудочку жидов,
продавая совесть за повидло
в смачной суматохе городов?
Ни следа советского замесу,
ни крупички, чтоб осталось нам,
ну, хотя бы ради интересу
побрести с молитвою во храм.
Только деньги, только секс-картинки
и указ: отнять и разделить!
Снова Пасха, но летят снежинки
и страна забыла слово «Жить»!

«Моя Россия, словно птица...»

Моя Россия, словно птица.
Но подлый выстрел – и конец...
И ни к чему уже молиться,
победу празднует стрелец.
А был полёт, а было небо
и колокольни-маяки.
Потом момент – и боль, и небыль, –
одни зыбучие пески.
Кому же нужен этот выстрел?
Кому убийство – это жизнь?
Мой ум и вызверел, и вызрел
среди извечных дешевизн.
А сердце требует полёта
и душу мне не удержать!
Лишь улыбнётся в спину кто-то,
кому привычно согрешать.
Но мы живём ещё, казаке!
И, значит, Русь не умерла.
Всё будет так, а не иначе,
когда спасём страну от зла.

«Опять брожу среди огней...»

Опять брожу среди огней,
как в окруженье жадных взглядов
театра улиц и теней,
подворотен, и парадов.
Меня пронзает темь и тишь.
И я, скользнув привычной тенью
по лицам стен и серых крыш,
сам превращаюсь на мгновенье
в подобье жадного огня,
который сжег огромный город
внутри меня...

«Снег, снег, снег тает на лицах...»

Снег, снег, снег тает на лицах,
тонкий смех в водах струится.
Дон, Дон, Дон – родина предков.
Под погон – пули отметка.
Сколько вод в небыль уплыло,
столько здесь всякого было.
Не познать прошлого память,
не унять чёрное пламя.
Берегли честь и свободу,
в полземли – путь до восхода.
Шашки вон! – к бою из ножен,
только конь верный стреножен.
Только свист вражьей нагайки,
в лагерях вышки да пайки.
Вся страна – красное знамя.
Сатана, что сделал с нами?
Ныне рубль – честь и награда,
мёртвый гул – колокол ада.
Дон, Дон, Дон – тихая речка,
под погон пульей отмечен.

«По улицам белым, по улицам сонным...»

По улицам белым, по улицам сонным
бредут одинокие липы, сутулясь,
навстречу январским полуночным звонам.
И негде укрыться в безлюдности улиц
от белой неоновой стражи порядка.
И жадные хищные плети ознобов
сдирают кору, словно с девушек платья.
Струятся позёмки пушистые прядки,
крепчают холодного неба объяття.
Но где же рассвет до привычного серый?
И кажется: прячется рядом разгадка
любви и жестокости, страха и веры.

Третий Рим

Рим конца и Рим начала,
где история без дна,
где потомки Марциала
бродят в поисках вина.
Где любой правитель – Август,
где любой мыслитель – шут,
где, конечно, я прославлюсь,
если раньше не сожгут
или на кол не посадят,
иль кнутом не засекут.
Здесь словами знатно гадят:
реки чёрные текут
с языков,
газет,
плакатов,
в блеске улиц и витрин.
Рим дельцов, поэтов, катов –
я твой раб и господин!

«Мы живём, ожидая кончины...»

Мы живём, ожидая кончины,
выбрав ноту на множестве клавиш.
Умереть – не простая причина, –
как уйдёшь ты и что оставляешь?
Вспоминая о прожитой жизни,
не забудь, ничего не воротишь.
Время также чумно и капризно,
пулей срежет, как птицу на взлёте.
Лишь в полёте пути к воскрешенью,
да ещё не пропитая совесть.
И готовится к самосожжению
про Содом современная повесть.
Чьи-то мутные сполохи мысли,
всякий лезет в «гуру» и «махатмы».
Не покаявшись, люди прокисли
в склочных сварях за золото жатвы.
Словотворчество ныне не в моде.
А зачем, если мат узаконен?
Люди! Люди! Вернитесь к природе
и послушайте стон колоколен.
Знамя в виде петли на осине,
но Госдума почти не картавит.
Верю я, нас Господь не покинет,
только бесы по-прежнему правят.

«Я ищу свой философский камень...»

Я ищу свой философский камень
в категории совсем не философской.
Сам себе Иуда, Фауст, Каин.
Сам себе Калигула московский.
Сам себе убийца и спаситель,
я мечусь меж небом и землёю.
Где ж моя священная обитель,
где шаги с немилрой к аналою.
Лить слова на ветер – что за дело?
Не достойно плакаться мужчине.
Но окошко в зиму запотело –
старый век готовится к кончине.
А вокруг пиры и карнавалы,
а вокруг улыбчивые маски.
И с трибун лепечут зазывалы,
в диаграммы тыкая указки.
И никто из них мне не ответит
почему с немилым к аналою
прошагала Русь?
А месяц светит
погребальной свечкой надо мною.

Пегас

Я возник из тела Горгоны,
словно ангел, крылат и светел.
Я проник в этот мир бездонный,
как в поля проникает ветер.
Я на грани и тьмы, и света
вечность в клочья разбил копытом.
И живу я в мечте поэта
как примета
и как молитва.
Я приду, как стихия света.
Я приду, словно тьмы стихия,
если ты подружился с ветром,
если мучает ностальгия.
И тогда приготовься к бою,
потому что вместо иконы
ты увидишь перед собою
ослепительный взгляд Горгоны!

«Кленовый лист – моё спасенье...»

Кленовый лист – моё спасенье
и избавление от пут,
и от Христа благословенье.
Пусть про него поэты лгут.
Кленовый лист – закладка в книге
и на причёску – жёлтый бант.
Для пьяной осени – вериги,
а для кокетки – милый франт.
Бежит строка стихотворенья,
а лист летит, летит, летит
до слепоты, до одуренья,
но вдруг стена, но вдруг гранит!
И разбиваются надежды,
и прекращается полёт,
и зависанье где-то между
стандартных рамок и невзгод.
Полёт – планеты воскрешенье
и цель прожитого пути.
Полёт – Христа благословенье
и, если можешь, так лети...

«Бард покинул наш бардак...»

В. Высоцкому

Бард покинул наш бардак
оброня аккорд последний,
словно выстраданный знак
и поклон перед обедней.
Разрешили мёртвым петь,
перекрикивать друг друга.
Он ушёл.
И ветер туго
струны скручивает в плеть.
Лепетать о нём теперь?! –
это многим по карману –
то ли сдуру, то ли спьяну,
мол, потеря из потерь!
Бард живёт всегда не так
бесконечно с быдлом споря,
проходя от горя к горю
Богом проклятый барак.
А теперь захлёб, запоем
мы о нём то в плач, то в пляс.
Нет, не бард ушёл изгоем –
он изгнал из жизни нас.

«Мне страшно слышать мёртвые слова...»

Мне страшно слышать мёртвые слова
едва на свет успевшие родиться.
Как птица в ловчей сети будет биться
поэт, упавший в мёртвые слова.
Мне страшно от раздвоенности лиц
и от грехов, ведущих к отупенью.
Не пойманных, но уже подбитых птиц
напомнили мне люди на мгновенье.
Основа для рассказа не нова:
канва из слов, приведшая на плаху,
но каждое – неповторимый яхонт –
алхимия поэзии жива.

«Забавна мысль, что время лечит боль...»

Забавна мысль, что время лечит боль.
Тогда зачем на скользких поворотах
чумных эпох играть чужую роль
с чужой улыбкой на весёлых нотах?
Царапина на царском хрустале –
веками не зализанная рана.
И тезисы безумного шамана
с апреля держать землю в кабале.
А время, как на струнах, на рубцах
играет хроматические гаммы,
возводит удивительные храмы
и дремлет в заколдованных дворцах.
Забавна мысль, что время лечит боль, –
она с годами всё-таки острее.
Стареет мир, которым правит голь,
и новый бард болтается на рее.

«Как горестно терять мечты, надежды...»

Как горестно терять мечты, надежды
и чистый незамусоренный ум,
и шить себе красивые одежды
из долгих неисследованных дум.
На шум воды, пролившейся из крана,
и россыпь крошек в кухне у стола,
как правило, сбегутся тараканы.
Зачем их только мама родила?
Зола из снега, соли и заботы
кучкуется по улицам Москвы.
Эй, человек!
Куда ты?
Где ты?
Кто ты?
К чему твои стеклянные мосты
пересекают небо под углами
эвклидовых никчёмных теорем?
У полночи глаза горят углями,
но след от уплывающих трирем
на звёздном небе всё же остаётся.
Опять из крана капает вода,
опять земля по космосу несётся
в счастливое земное никуда.
Сознание, раздвоенное между:
где року – роково,
судьбинное – судьбе.
Как сладостно терять мечты, надежды
и задавать вопросы...
Не себе!

«Смотрю на рабство в оккупации...»

Смотрю на рабство в оккупации
и на потоки мутной лжи,
но жду, что белая акация
весны подарит миражи.
Так мало стало человечности,
лишь было б с кем поговорить,
и на скрижалях бесконечности
бутылку водки раздавить.
Уйдёшь и ты, моя избранница,
за синей птицей в небеса,
а меж дождями время тянется
и херувимов голоса.
Придёт несбывшееся, вечное,
в ногах свернётся, словно кот.
Чумной любовью искалечен я,
но брови чёрные вразлёт!
Волшебный взгляд с зелёным привкусом.
Тебе я верю, веришь ты,
а мы зароем клад под фикусом
из слёз, надежды и мечты.
Наш президент, воруя, кается;
народ, как водится, шумит.
Ничто в природе не меняется,
песком становится гранит.

«Подол истории подняв...»

Подол истории подняв,
решил взглянуть – а как там? что там?
Да, вот такая я свинья,
служу примером всем блевотам!
Я там такое увидал,
что ни сказать, ни слова вставить!
И смерти чудится оскал,
но ни к чему уже лукавить.
Но ни почём и никогда
Луна мне маяком не станет.
Я – одинокая звезда
и тайна истины в стакане.
Я не зарытый ночью клад
и наважденье от похмелья,
июля липкий снегопад,
и иллюстрация безделья.
Довольно!
Спрячусь под подол.
Вернее, в темень подподолья.
Путь у истории тяжёл –
от Аркаима в Лукоморье.
И от надежд небытия
до усмирения амбиций.
Гори, гори моя звезда,
я возвращаюсь синей птицей.

«Снова лето и снова снег...»

Снова лето и снова снег.
Но как будто сто лет назад
слышал я твой жемчужный смех,
видел я твой алмазный взгляд.
Снег на улице, смех в душе.
Нет. Скорее, наоборот.
Ночь красавица в парандже
изменяет планет полёт.
Ни назад пути, ни вперёд.
Святой Боже! Оборони!
Топит снега водоворот
мысли призрачные огни.
Обмани меня, обними,
чтобы чёрный растаял снег.
Не молчи, молю, позвони,
если я ещё человек...

«Ты не звонила двадцать тысяч лет...»

Ты не звонила двадцать тысяч лет.
Я где-то жил, ты где-то обреталась.
Во мне кричал не разум, но поэт,
но тонкая извечная усталость.
На вялость рук ложится вешний дождь,
на вялость дум – белёдые снежинки.
Мне кажется, что ты уже не ждёшь,
и солнце, как бесёнок на пружинке,
сверкает из-за облака глазком,
которое ползком в весеннем небе.
И в скверике сидит со стариком
весёлый март – прочитанная небыль.

«Я всем раздам по оберегу...»

Я всем раздам по оберегу
от неприятельских забот.
И тащит конь мою телегу
куда-то вдаль, но не вперёд.
И упирается пространство
в посеребрённый свод небес.
Избавь, Господь, страну от пьянства, –
у нас давно лютует бес.
Его сподвижники в короне
пророчат нового царя,
чтоб восседал опять на троне
наследник беса-упыря.
Не говоря ни тем, ни этим
о тайне будущей Руси,
я знаю, скоро мы отметим
победу...
Господи, еси!
Живу под игом иудейским,
но вспоминаю, как в те дни
Христос сказал по-арамейски:
«ИЛИ! Лама савАхфани?..»

Из цикла «Огарок темноты»

24 января 1919 г.

Кровь расстрелянных поэтов –
это зимняя заря.
Может, кто писал про это
в слабом свете фонаря.
До рассвета – есть мгновенье.
До расстрела – целый миг.
И безудержные тени
злом ползут за воротник.
Я приник к стене пространства,
и метронома шаги
измеряют путь от чванства
до кладбищенской пурги.
Сколько сделано ошибок,
жизнь – как поезд под откос.
И взорвались струны скрипок,
и скулит бездомный пёс.
Целый век я слышу стоны
за позёмкой января.
Плёт предутреннего Дона,
и расстрельная заря.

«В жилах моих дикой ягоды сок...»

В жилах моих дикой ягоды сок
и неизбывная жажда стремлений.
Так же, как все, я ищу уголок,
где не бывает пустых нападений.
Пенье по рощам разбуженных птиц
или страниц недописанных росчерк
не обозначили чётких границ
для наступления зла или ночи.
Хочешь, не хочешь, а Богу молись,
лишь в покаяньи отыщешь спасенье.
Вон скакуны табуном пронеслись,
больше не слышится птичье пенье.
Знать приближается мрак и туман.
Путь казака – с басурманом сраженье.
Только б не ожили ложь и обман,
и о любимых очах сожаленье.
Помню, как с платья срывал поясок,
но не хочу ни рыдать, ни лукавить.
В жилах моих дикой ягоды сок,
значит, рождён для защиты и Правы.

Славяне

Мы – древнейший народ на земле.
Кто-то скажет:
не доказать!
Но рисунчатый слог на скале
возвращает ушедшее вспять.
И я вижу, как пращур веков
надевает рубаху в крестах.
Славянин.
Ни оград, ни оков,
а душа и проста, и чиста.
Нет ни денег, ни каверзных смут,
но стремление: радость дарить.
И славяне доселе не лгут,
а стараются просто любить.
Иностранцам, увы, не понять
эту тайну славянской души.
Нас стараются скомкать, сломать,
уничтожить и сокрушить.
А зачем?
Что мы сделали им,
беспокойным хранителям зла?
Скоро вновь оживёт Аркаим.
Русь – всё тот же даритель тепла.
Только надо создать рубежи
и казачий дозор на скале.
Расскажи мне ещё, Расскажи
про древнейший народ на земле.

«Пустые глаза одинокой женщины...»

Пустые глаза одинокой женщины.
Но что она знает? Хочет?
Ей было когда-то полмира обещано,
достался лишь ужас ночи.
Досталась лишь пустота осязаемая,
в глазах её отражаясь.
Она скользит к облакам по касаемой,
ушедшую жизнь обожая.
Ушедшую жизнь, затянув удавкою
непониманья и горечи.
А грязь, словно прежде, утробно чавкает
под сапогами полночи.

«Солнечным светом омытый...»

Солнечным светом омытый,
скрытый от каверзных дум,
я – человек неолита –
взялся за праведный ум!
Только в моём неолите
нету ни стран, ни дорог
и ни желанья, ни прыти
у искалеченных ног.
Стогом пахучего сена
манит природа меня,
где водяная царевна
хвостик коптит у огня.
День разгорается жаркий,
нету стремлений к уму,
или к сонетам Петрарки,
вязнущих в думском дыму.
Тьму навевающий разум
вдруг налетел из Москвы.
Где ж ты, отчаянный Разин? –
драки в миру не новы.
Только без боя не вынуть
нашу страну из оков.
Русь без вины, а повинна
тем, что плодит дураков.
Скованный солнечным светом
снова бреду наугад,
и зазеркальным наветом
в сердце ударил набат.

«Обозначенный словами...»

Обозначенный словами
завиток воздушной мысли.
Припорошенные снами
по аллеям кружат листья.
Смысла нет с суконной рожей
излагать уставы жизни
неприятной, непохожей,
но как женщина капризной.
Брызнет солнце! Блещет лето
на последнем издыханьи.
Вновь столица не одета
в чёрный шёлк воспоминаний.
Да и стоит ли всё время
прошлым жить, ни с кем не споря,
проплывая на триреме
жизнь от горя и до горя.
Что же сердце защемило,
будто чудится ненастье?
Нам листва наворожила
жить в падении на счастье!

«Распятые виденья...»

Распятые виденья,
растерзанные ноты.
И звук стихотворенья
доходит до икоты.
Закутан мой кораблик
в отрепье лет и рвоту.
День завалился набок,
погиб в водовороте
растерзанных видений,
распятых облаков,
где промелькнули тени
свободы без оков.
Где на крестах виденья
распятые по согласью,
где тень стихотворенья
повесилась от счастья.
Шумит волна волненья,
волнуясь от чего-то.
Распятые виденья,
растерзанные ноты.

«За гранью грань пересекая...»

За гранью грань пересекая
из года в год течёт река.
Потоку нет конца и края,
как светлым мыслям дурака.
Легка моментная потеря,
но долгод путь горячих слёз.
Я той реке уже не верю,
как в красоту увядших роз.
Мороз потоками по коже,
река потоком по земле.
Ты улыбаешься?
Но всё же
лети ко мне, хоть на метле.
Хоть на листе осеннем с клёна
пришли последний поцелуй.
Мы отражение зелёных
и мускулистых водных струй.
Мы повторенье Зазеркалья
и даже будущего суть.
Но время режет волны сталью.
Тебя рисуя на эмали,
я попрошу лишь:
не забудь...

«Сгусток времени взвился спиралью...»

Сгусток времени взвился спиралью,
потешаясь над бешенством рек.
В непонятном ещё Зазеркалье
ищет счастья простой человек.
Навека распротившись с планетой
он играет хвостами комет –
все мечты исполняются где-то
и когда-то приходит рассвет.
В неприметные всплески спирали
впился ангельский хор голосов.
Мы с тобою ещё не летали
между стрелок вселенских часов.
И когда временное распятые
примет тело моё – не забудь,
и надень подвенечное платье,
красный цвет – это Русь, это суть!
Это наша с тобою потеха
над неистовым бешенством рек.
Ручейки животворного смеха
дарит миру простой человек!

«Опять чего-то не достиг...»

Опять чего-то не достиг
и не сорвал на полпути.
Всегда потерял только миг,
который больше не найти.
И не смахнуть прозрачных слёз
с твоих опущенных ресниц.
В туннель метро под стук колёс
проник весёлый смех блудниц.
Ни лиц, ни душ не увидеть
в непроходимой темноте,
но где же всё же благодать
стремленья к чистой красоте?
Опять стремится человек

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.